

6. Голубинский Е.Е. Воспоминания С. 149–150.
7. Подсчитано по: Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1909 г. Екатеринбург, 1909; Справочная книга Саратовской епархии. Саратов, 1912.
8. Существует и такое объяснение вариантов оформления фамилий учащихся духовной школы, которое приводится в рассказе С.Н. Сергеева-Ценского «Счастливица»: «Есть такое предание о древнем московском академическом начальстве, как оно перекрещивало бурсаков. Кто был тихого поведения и громких успехов, тот... получал фамилию от праздников, – например, Рождественский, Богоявленский, Успенский, Троицкий или Вознесенский... Кто был тихого поведения и тихих успехов, – этим скромникам... давали фамилию от цветов... Вот тогда-то и пошли все Розовы, Туберозовы, Гиацинтовые, Фиалковы... Но были ещё и такие, что успехов-то тихих, а зато поведения громкого, – эти получали прозвища от язычества: Аполлонов, Посейдонов, Архитриклинов, Илионский, Амфитеатров и прочее». Цит. по: Энциклопедия русских фамилий. / Сост. Е.А. Грушко, Ю.М. Медведев. М., 2002. С. 59.

О.Р. Князева (Пермь)

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв. И ФОРМИРОВАНИЕ НРАВСТВЕННЫХ УСТОЕВ ОБЩЕСТВА

В настоящее время, когда сняты идеологические запреты бывшего коммунистического режима, наконец, стало возможным исследование роли Русской православной церкви в жизни российского общества. Сейчас становится очевидным, что социализм присвоил себе единственное право на попытку строительства социального государства, в то время как основы социально ориентированной политики были заложены уже Русской православной церковью. Именно эта религиозная организация была проповедником нравственных основ, которые имели практическое выражение в явлениях социальной жизни российского народа. Свою нужность и полезность обществу Церковь отстаивала конкретной социально ориентированной политикой. Эта была политика выживаемости самой Церкви как организации и в то же время политика социализации населения.

2 августа 1864 г. в целях консолидации русского народа вокруг Церкви и в интересах развития благотворительности, Святейшим Синодом было принято «Положение о церковно-приходских попечительствах». В 1904 г. в России функционировало уже 19 985 таких церковных организаций¹. В Пермской епархии первые церковно-приходские попечительства стали появляться с 1891 г. Целью приходских попечительств было намечено, во-первых, призрение вдов, сирот и голодных; во-вторых, призрение

«слепых и калек, бездомных стариков и старниц»²; в третьих – попечительства должны были «одолжать деньгами тех, с которыми повстречается какая-либо беда в хозяйстве»³.

Церковные социальные учреждения, оказывая благотворительную помощь нуждающимся, строго следили за тем, чтобы получение общественной поддержки не сделалось прибыльным делом для людей недостойных. В приюты и богадельни принимались только «истинно нуждающиеся в призрении, притом хорошего поведения, православного вероисповедания, трезвые и не курящие табаку»⁴.

Нравственность формируется по отношению к кому-либо. Поэтому не случайно основной ячейкой формирования религиозно-нравственной политики Православной церкви был отдельный приход. В постановлении пермского епархиального съезда 1893 г. особо отстаивалась необходимость именно локальных, приходских попечительств (приход обычно объединял одно село или несколько деревень); так как «первая задача благотворительности христианской заключается в том, чтобы знать кому помочь; а это возможно только при участии приходских попечительств.... Общество, так сказать, космополит, а приход – свой родной – единица меньшая; доступ к нуждам легче, легче и доступ к человеческому сердцу»⁵. В документах 5-го Всероссийского Миссионерского Съезда приход прямо был назван «первичной организационной ячейкой» Церкви, «низом или фундаментом церковной жизни»⁶. Таким образом, приход можно представить как начальную единицу структурно – интеграционной системы Русской православной церкви. В пределах прихода часто осуществлялась основная социальная политика Церкви.

С 1907 г. Церковь наметила ряд мероприятий по сплачиванию русского народа вокруг православной веры. Сделано это было с помощью создания в приходах различных типов церковных организаций: обществ «трезвости», обществ по благоуукрашению храма (сестричества), православных Братств, кружков любителей церковного пения и чтения и т. д. В Пермской епархии к 1914 г. работало примерно 739 церковно-приходских организаций разного типа⁷. В годы Первой мировой войны основной формой социальной помощи населению были епархиальные и церковно-приходские попечительские советы о семьях военнослужащих. «Именно настоящая война с особой ясностью обнаруживает, какое огромное объединительное значение имеют высокие духовные интересы»⁸, – писало в своем отчете за 1914 г. Пермское Отделение Православного Миссионерского Общества. Однако неблагоприятная социально-экономическая ситуация в стране, обострившаяся в связи с войной, все же была умело использована пропагандистами социал-революционных партий, развернув-

ших антипатриотическую агитацию за прекращение войны любыми средствами, для взятия власти в стране и насаждения противорелигиозной пропаганды. «Все это безбожие и разбой есть вражеское наваждение, скверный налет на русскую добрую и богобоящуюся душу»⁹, – писал в 1915 г. епископ Пермский и Соликамский Андроник.

Какова же была оценка народом, самой «православной паствой» деятельности Церкви по нравственному совершенствованию общества? Для ответа на данный вопрос приведем случай, произошедший в Городищенской волости Соликамского уезда уже после Октябрьской революции 1917 г., после отделения Церкви от государства, в пору пропаганды атеизма.

27 февраля 1919 г. на общем собрании граждан вышеуказанной волости, созванном председателем волостной земской управы, разбиралось дело о деятельности бывшего священника Знаменской церкви Максима Каменьщикова. Бывший священник обвинялся жителями волости не более и не менее как в служении в Городищенском волостном отделе снабжения в должности секретаря! Дело в том, что бывший о.Максим, устроившись секретарем, проповедывал уже совсем иные, чем ранее ценности общественной жизни. Из протокола заседания выяснилось, что работать устроился Каменьщиков не просто так, а от фракции большевиков «как явно сочувствующий большевизму». Поэтому факт его работы секретарем «по своей жестокой деятельности и уклонения от религиозно-нравственных устоев жизни является крайне возмутительным»¹⁰, – было резюмировано в протоколе народного собрания. Бывший священник Каменьщиков в сознании его сограждан являлся приспешником большевиков, так как «при соприкосновении с населением употреблял большевицкие приемы и выражения»¹¹. Так, производя учет урожая хлебов, он преувеличивал его размеры, угрожал поставить крестьян «к стенке» за просьбу оплатить стоимость реквизированного хлеба, «рекомендовал отбирать от соседей последний каравай, т.к. ничего собственного ни у кого не должно быть»¹².

Итак, какова же была сущность религиозно-нравственной политики Православной церкви, вытекающая из вышеуказанных фактов? Ее принцип достаточно прост – это помощь ближнему, оказавшемуся в трудной жизненной ситуации, способ осуществления – воспитание сострадания применительно не к абстрактному Человеку или Человечеству, а к людям, живущим по-соседству. Поэтому можно с уверенностью констатировать, что Русская православная церковь в рассматриваемый нами период всей своей деятельностью показала, что нравственность – основа общежития, которой измеряется степень гуманности общества.

Примечания

1. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг. СПб., Синодальная типография, 1910. С. 107.
2. Там же.
3. Там же.
4. Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1910. № 9. Отд. оф. С. 113.
5. О задачах церковно-приходских попечительств // Адрес-календарь Пермской епархии на 1894 год. Пермь, Типография Н-ков П. Ф. Каменского, 1894. С. 222.
6. Правила об устройстве православной внутренней миссии // Деяния 5-го Всероссийского Миссионерского Съезда. М., Б. и., 1917. С. 50.
7. Подсчитано автором по: Пермские епархиальные ведомости. 1911. № 9. Отд. оф. С. 31, № 10–11. Отд. оф. С. 79, № 14. Отд. оф. С. 104, № 15. Отд. оф. С. 147, № 21. Отд. оф. С. 192, № 24. Отд. оф. С. 230, № 27. Отд. оф. С. 243, № 28. Отд. оф. С. 250, № 32. Отд. оф. С. 307, № 33. Отд. оф. С. 322, № 34. Отд. оф. С. 331, № 35. Отд. оф. С. 347, № 36. Отд. оф. С. 552; Пермские епархиальные ведомости. 1912. № 2. Отд. оф. С. 10, № 3. Отд. оф. С. 20, № 8. Отд. оф. С. 90, № 10–11. Отд. оф. С. 98, № 12. Отд. оф. С. 111, № 13. Отд. оф. С. 118, № 14. Отд. оф. С. 122, № 17. Отд. оф. С. 178, № 31. Отд. оф. С. 279, № 34. Отд. оф. С. 294, № 35. Отд. оф. С. 246; Пермские епархиальные ведомости. 1913. № 2. Отд. оф. С. 40, № 3. Отд. оф. С. 11, № 5. Отд. оф. С. 30, № 6. Отд. оф. С. 38, № 8. Отд. оф. С. 155, № 9. Отд. оф. С. 65, № 10. Отд. оф. С. 70, № 13. Отд. оф. С. 95, № 20. Отд. оф. С. 151, № 30. Отд. оф. С. 223, № 31–32. Отд. оф. С. 23; Пермские епархиальные ведомости. 1914. № 3. Отд. оф. С. 21, № 8. Отд. оф. С. 78, № 11. Отд. оф. С. 10, № 13. Отд. оф. С. 117, № 14. Отд. оф. С. 126, № 20. Отд. оф. С. 191, № 23–24. Отд. оф. С. 212.
8. Пермские епархиальные ведомости. 1915. № 10. Отд. неоф. С. 36.
9. Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. 195. Оп. 1. Д. 71. Л. 5.
10. ГАПО. Фр. 1. Оп. 1. Д. 256. Л. 28.
11. Там же. Л. 38 об.
12. Там же. Л. 28 об.